

STORY

АПРЕЛЬ 12
№ 04 (46)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ

**Муслим
Магомаев**
Избранник
славы и любви

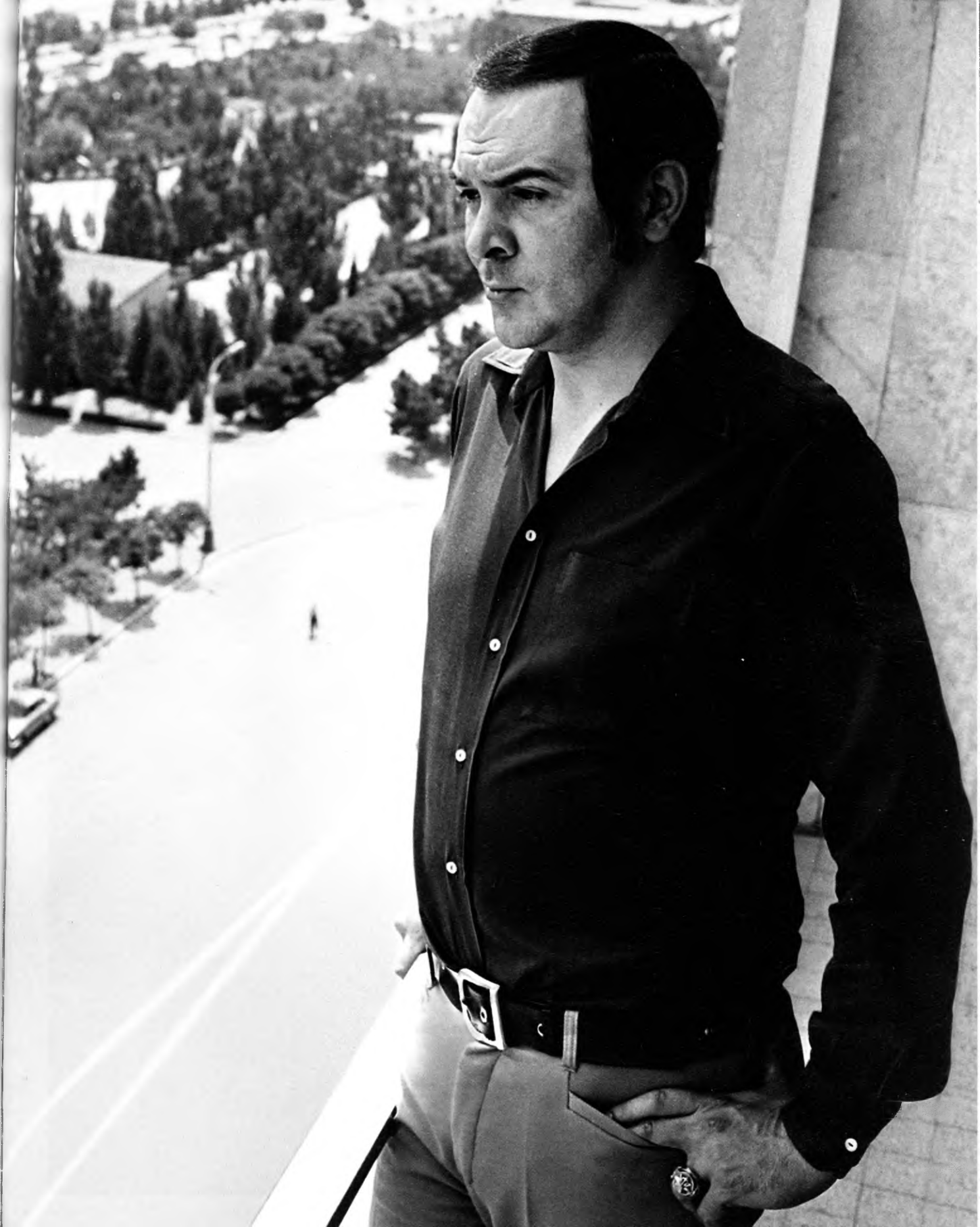
Love Story. *Георгий Тараторкин плюс
Екатерина Маркова. Любовь длиною в 40 лет*
Авантюристка. *Как обманывать мужчин.*
Школа выживания графини Тарновской
Страсти *по Борису Пастернаку*

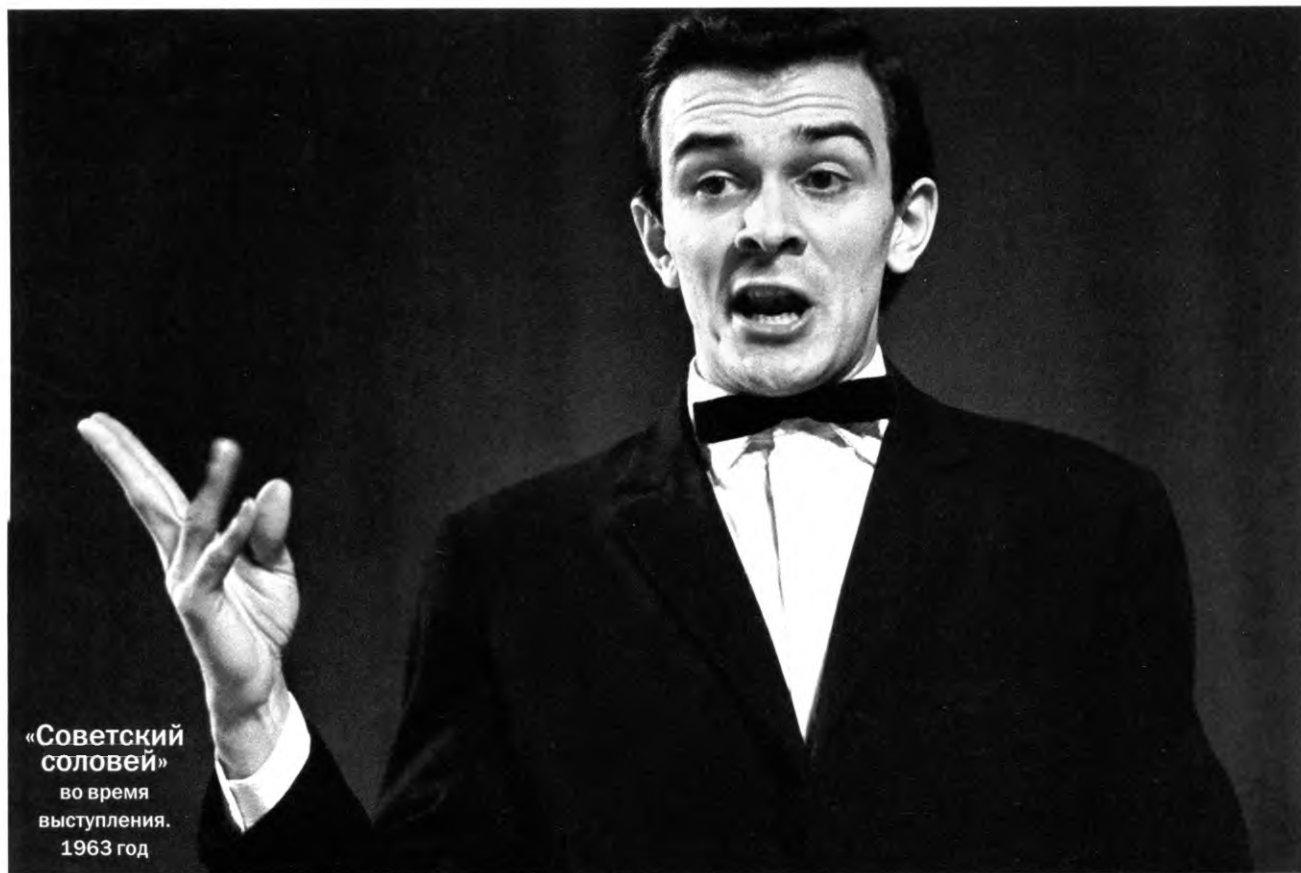

...И вечно молодой

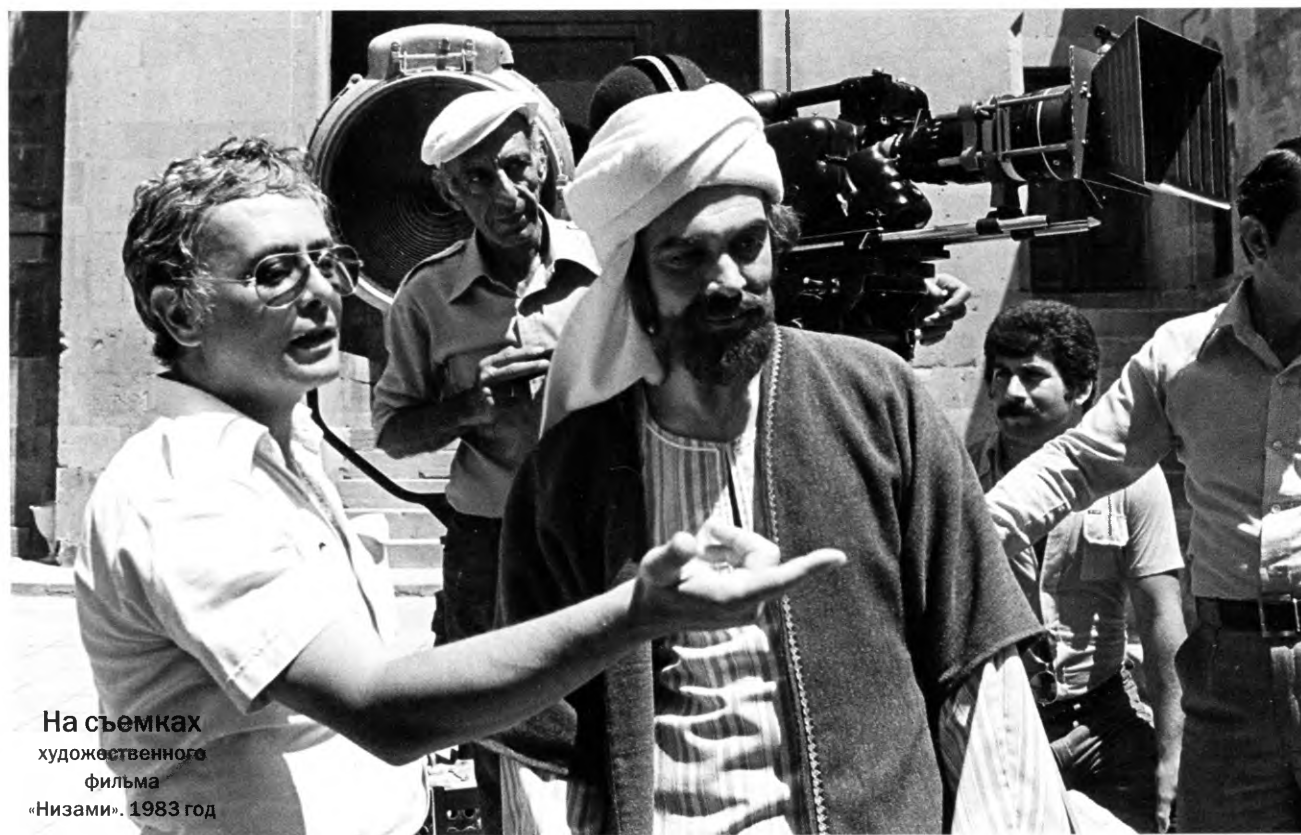

*В истории фантастического успеха Муслима Магомаева
нет белых пятен. Ни синатровской мафии,
ни элвисовской мистики – все ясно как божий день:
одарен природой, любим властями, боготворим публикой.
И все-таки одна загадка есть...*

**«Советский
соловей»**
во время
выступления.
1963 год

**На съемках
художественного
фильма
«Низами». 1983 год**

С Тамарой Синявской
в гостях у моряков Балтийского флота
на борту крейсера
«Октябрьская революция».
1984 год

«Я делал, что хотел!»

Загадка Муслима Магомаева – это его неожиданное исчезновение с большой сцены.

Никаких прощальных туров и «последних концертов».

В возрасте, который любимый им Тито Гобби называл самым благодатным для баритона, Магомаев просто замолчал. Но почему?

АЛЛА БОГОЛЕПОВА

94-й год. Растерянная Москва, холодные улицы, покореженные телефонные будки. Театры пустые, у Михаила Шуфутинского аншлаги, из ларьков на «Белорусской» истошно мяукает Лада Дэнс. В четвертом по счету ларьке небритый продавец, матерясь, роется в столбиках магнитофонных кассет и наконец выкладывает обшарпанную коробку с криво нацарапанным «Магомаев».

Запись явно сделана с грампластинок – шипит, шуршит, время от времени заедает на одной фразе: «Ты моя мелодия, мелодия, мелодия...» В захлавленной общажной кухне пожилой вьетнамец выныривает из-за алюминиевого бака, где у него что-то варится, и прислушивается. Он торгует на рынке, в студенческом общежитии живет незаконно, раз в месяц заносит комендантше баул с китайскими шмотками, и травит будущих инженеров жутким запахом вареной в азиатских специях селедки. Он совсем не говорит по-русски, а понимает только цифры – что ему эта «Мелодия». Но он слушает, улыбается, а потом вдруг сообщает: «Муслим!»

Мое поколение застало лишь отзвуки магомаевской, невероятной, по советским меркам почти немислимой популярности и народной любви, которая граничила с сумасшествием. Дети, потерявшиеся в перестройке, мы бесновались на концертах группы «Ласковый май» и не очень верили мамам, которые говорили, что Юре Шатунову и не снился успех Магомаева. Успех – это когда тебя показывают по телевизору, а Магомаева в телевизоре не было. И кассеты с его записями на каждом углу не продавались. И портреты его на дисках-гигантах фирмы «Мелодия» казались старомодными, как черно-белое кино: нейлоновая рубашка, внимательный взгляд, идеальная прическа – Магомаев был для молодежи почти современником Дугласа Фэрбенкса. Красиво, но давно и неправда.

А Магомаева называли «советским Элвисом», имея в виду, конечно, не музыкальную составляющую, а силу воздействия на публику и умение взять над ней власть первыми же звуками. Армия безумиц, готовых умереть за один взгляд Магомаева, могла бы соперничать с легионом элвисовских фанатов. А по количеству и качеству мифов вокруг своей персоны совет-

ский певец номер один легко обходит Короля в первом же повороте. Магомаев? Магомаев – на самом деле гей, еврей и внебрачный сын Брежнева. У него четыре жены, потому что он мусульманин, причем одну из них он увел прямо из дома высокопоставленного партработника, а тот и возразить не посмел. От любви к Магомаеву травилась молодая Пугачева – слава богу, не до смерти. Личный самолет. Дворец в Баку. Бриллианты ведрами. Магомаев сидел в тюрьме. А петь перестал потому, что купил Канарские острова и уехал туда вместе со своими многочисленными женами и породистыми лошадьми. Вот это все, плюс некоторые подробности более интимного свойства, шепотом обсуждали в парикмахерских, аптеках и учительских провинциальных школ.

А потом «Ласковый май», «Комбинация» и вадимы казаченки в ассортименте, словно термиты, сожрали музыкальную память нескольких поколений. И оказалось, что во всей многолюдной общаге середины девяностых есть только один обитатель, способный узнать голос Магомаева, да и тот родом из Вьетнама.

Потому, наверно, и журналисты за Магомаевым не гонялись, полагая, что он, так же, как большинство артистов его поколения, будет обстоятельно ругать засилье бездарностей на сцене и сожалеть о временах, когда худсовет отправил бы Юру Шатунова в ближайшее ПТУ.

Просьбу об интервью пришлось излагать автоответчику. «Телефон подключен к автоматическому секретарю», – сообщил знаменитый баритон и, добавив бархата в голос, пообещал непременно перезвонить. Перезванивать Магомаеву пришлось бы в пункт охраны общественного порядка второго корпуса общежития МВТУ имени Баумана – начинающая журналистка была одновременно первокурсницей лучшего технического вуза страны, без малейшей, впрочем, надежды сдать хоть одну сессию. Честно, как на духу, я объяснила все это «автоматическому секретарю». Ничтожные возраст, опыт и статус – внештатный корреспондент – тоже скрывать не стала.

Магомаев позвонил. Мало того, терпеливо прождал десять минут, которые потребовались охраннику Володьке, чтобы докурить, добрести до второго этажа

и сообщить мне, что звонит «какой-то мужик, фамилию не разобрал». Назначил время, продиктовал адрес и объяснил, как пройти: «Пересечете площадь с бюстом Низами, потом налево и во двор». О том, что бюст Низами появился в центре Москвы стараниями Магомаева, я узнаю намного позже.

В том знаменитом доме на улице Станиславского обитали сплошь звезды – для девяностых уже бывшие. Бывать в их роскошных квартирах я не любила – «прошедшее время» почти зримыми хлопьями лежало на антикварной мебели, а стена, сплошь увешанная портретами «себя в молодости» в семнадцать лет кажется воплощением бессмысленной тоски. Теснимые «новыми русскими», скупающими квадратные метры в центре Москвы, советские звезды прятались от новой реальности в кокон былой славы и жалобно ругали духовное обнищание нации.

На магомаевской двери висела видеокамера, из-за двери слышался звонкий лай.

– Это Чарлик, а мы у него живем, – пошутила Тамара Синявская, предъявляя бодрого карликового пуделя.

Тут все было «как у людей высшего круга»: картины в богатых рамах, непременно мебель «антик», тяжелые шторы. Но здесь была жизнь – в глуповатом собачьем брехе, в запахе свежесмолотого кофе, в улыбках хозяев и беспрестанно звонящем телефоне с «автоматическим секретарем» в виде красного двухкассетника, соединенного проводом с японским аппаратом.

Запись того разговора потерялась. Сейчас, спустя почти двадцать лет, я понимаю, что две кассеты с голосом Магомаева могли стать семейной реликвией. А тогда это был просто рабочий материал, поверх которого я скорее всего сдуру записала другое интервью. Сейчас, зная о жизни его уже много, восстанавливаю то, прежнее, по памяти и уцелевшим трем листам с пометками Магомаева в надежде: может быть, что-то сказанное тогда осталось забытым, затерявшимся во времени, не попавшим даже в его собственные мемуары. Потому что, накладывая виденное и слышанное мной тогда на всем известные факты, вдруг понимаю, что жизнь куда сложнее и запутанней выверенной и отлитой, почти что в бронзе, официальной биографии «азербайджанского соловья».

Ну вот, например, корни, происхождение. «Национальное достоиние Азербайджана», «настоящий бакинец» – и при этом турецкая, татарская, адыгейская кровь. Деда своего, знаменитого композитора, Муслим знал только по рассказам родных – тот умер от скоротечной чахотки за пять лет до его рождения. Бабушка Байдигюль – вот и татарский след – говорила, что муж заболел после того, как кинулся в ледяную Куру, чтобы спасти ее, тонущую. Байдигюль осталась с двумя сыновьями, Магометом и Джамалом. Замуж больше не вышла, хоть была женщиной нестарой и еще очень красивой. Хранила память о муже и с гордостью рассказывала, каким широким человеком был Муслим-бек: для друзей ничего не жалел, работал – так запоем, а уж если гулял, то весь Баку это слышал.

► Муслим с тетей Мурой – Марией Ивановной

В полном соответствии с кавказскими представлениями о веселье, Магомаев-старший платил за всех, палил из револьвера по бутылкам и был абсолютно уверен, что жена ничего об этих его художествах не знает.

Привычка с лихвой оплачивать счета и свои и чужие много лет спустя проявилась в его внуке – о щедрости Муслима Магомаева в Советском Союзе ходили легенды. Наталья Кустинская, например, рассказывая о том, как Магомаев три года добивался ее любви, упоминает, что деньги он раздавал направо и налево. Ну, насчет неземной любви и трех лет она, скажем прямо, сильно преувеличила, а вот привычка Магомаева доставать бумажник по первой просьбе друзей-приятелей – факт неоспоримый. О том, что люди чаще всего просто пользуются его щедростью, Магомаев, конечно, знал, уж наивным дурачком-то он никогда не был. Но с величием восточного владыки не обращал на это внимания. Своему нессоветскому великодушию Магомаев не изменил даже после серьезных проблем с ОБХСС – из той истории, которую пытались замазать на самом высоком уровне, и выросли слухи о его тюремном прошлом. Папарацци в Советском Союзе не было, но шила в мешке не утаишь. Впрочем, к этому мы еще вернемся.

Воспитывали Муслима бабушка Байдигюль и дядя Джамал. Отец, Магомет, погиб на фронте за несколько

дней до победы. Был он веселым, бесшабашным, по жизни шел стремительно, не оглядываясь назад. Театральный художник, он не сохранил ни одной своей работы – ни набросков, ни эскизов. Уничтожал все сразу после выпуска спектакля: дело сделано, надо двигаться дальше. Жуир, богема, любитель потанцевать и выпить, когда доходило до вещей действительно важных, Магомет умел настоять на своем. Не ища одобрения семьи, женился на актрисе Айшет Кинжаловой, турчанке по отцу, адыгейке по матери. Когда началась война, отказался от брони и ушел на фронт.

Возможно, именно потому, что семья Магомаевых восприняла этот брак как мезальянс, после гибели отца маленький Муслим остался с дядей. Отношения Айшет с семьей мужа были, мягко говоря, непростыми. Овдовев, она не захотела оставаться в доме свекрови, предпочла кочевую жизнь актрисы и уехала, оставив сына на попечение мужниной родни. Воспитанный в кавказских традициях уважения к старшим, Магомаев ни разу в жизни не сказал о матери плохого слова, но, видимо, долго не мог простить ей желания строить жизнь по собственному разумению. Во всяком случае, быть на нее похожим внешне маленький Муслим не хотел – даже повязывал на ночь платок, чтобы прижать нос и избавиться от унаследованной от Айшет курносости.

Впрочем, был ли фактический отказ молодой вдовы от сына совсем уж добровольным? Не случилась ли тогда история, подобная той, что произошла совсем недавно с младшим сыном Кристины Орбакайте, которого чеченский папа, повинувшись кавказским традициям, отобрал у матери? Ведь когда Муслиму исполнилось восемь лет, мать все же попыталась его вернуть: приехала в Баку навестить да и увезла сына тайком.

Около года теплолюбивый азербайджанский мальчик прожил в Вышнем Волочке, пока наконец дядя Джамал, ставший к тому времени видным партийным функционером, не вытребовал племянника обратно. Действительно ли Айшет поняла, что в теплом Баку Муслиму будет лучше, или дядя нажал на какие-то тайные пружины – неизвестно. Но совершенно очевидно, что все эти пертурбации сказались на психике ребенка не лучшим образом. В своей книге воспоминаний Магомаев посвятил несколько страниц извинениям перед бабушкой и дядей – дескать, был молод и глуп, принимал оправданную суровость за нелюбовь, обижался и обижал, а должен был слушать и благодарить.

Благодарить действительно было за что. Сегодня таких, как Магомаев, называют мажорами: няня, домашняя учительница музыки, элитная школа, привольное житье на дядиной правительственной даче. Отдельная комната – невиданная по советским временам роскошь! Был ли ребенок мил – непонятно, но что резв – сомнению не подлежит. Бабушка боялась заходить в детскую: увлекшись электротехникой, Муслимчик подсоединял провода к чему ни попадя, и Байдигюль пару раз ударило током. Однажды, дви-

«Муслим был депутатом райсовета. Ни на какие собрания он не ходил, но при этом всем помогал, кто к нему обращался. Он вообще был безотказным»

— ТАМАРА СИНЯВСКАЯ

жимый естественным детским любопытством, а также ненавистью к урокам игры на скрипке, ребенок разобрал инструмент. Это была скрипка работы Амати. Но самое громкое дело Муслимчика пришлось расхлебывать самому дяде Джамалу: недоросль стащил из запертого шкафа его личный пистолет, приволок его в школу и вытащил на уроке. Пистолет был заряжен, и без стрельбы обошлось лишь по счастливой случайности.

Впрочем, легко просить прощения с высоты прожитых лет. А ребенок, с которым заговаривают лишь для того, чтобы устроить выволочку, понимает только одно: его не любят. Кто-то в такой ситуации превращается в неуверенную тряпку, готовую на все, чтобы заслужить благосклонность окружающих. Другие, кто посильнее духом, возводят в культ независимость: мол, не любите – ну и не надо. Муслим Магомаев был из этих.

Он закрылся, захлопнулся, словно устрица. Да так плотно, что не рассказал семье о чуде, которое случилось с ним в четырнадцать лет и которому было суждено перевернуть всю его жизнь. Однажды утром не самый прилежный ученик школы при Бакинской консерватории проснулся и обнаружил, что у него появился голос. Причем не трогательный подростковый дискант, а сочный, природно поставленный баритон.

– Почему же вы его скрывали? – изумилась я, вытаращившись на Магомаева, который курил уже пятую за час сигарету.

– Сначала не очень понимал, что происходит. Петь казалось мне таким же естественным, как дышать. Я уходил на берег моря и орал во всю глотку, испытывал связки на прочность. Чудом не сорвал голос. А потом решил, что однажды всех удивлю...

Удивил. Спел на семейном празднике, чем поверг в шок и бабушку, и дядю. Нет, они знали, конечно, что мальчик чрезвычайно музыкален. Но когда из горла худенького подростка, выглядящего лет на двенадцать, льются звуки такой красоты и мощи – это действительно чудо.

Для самого Муслима голос был прежде всего источником удовольствия: он пел потому, что любил петь. А вот ранний и оглушительный успех стал билетом в самостоятельную жизнь. Едва закончив школу, Магомаев объявил семье, что влюбился и намерен жениться.

Помню, я тогда решила блеснуть интеллектом:

– Вы прямо как Пласидо Доминго – он тоже женился в восемнадцать лет.

Развивать тему Магомаев не стал, просто заметил, что молодость прекрасна тем, что жизнь кажется бесконечной, и любой юный балбес уверен, что у него еще куча времени для исправления ошибок.

Был ли тот ранний брак ошибкой? Очевидно, нет. Семейная жизнь развалилась меньше чем через год, но зато у Магомаева родилась дочь Марина, его единственный ребенок.

Говорить о своей личной жизни Муслим Магометович явно не хотел. Никаких пафосных заявлений в духе «Это закрытая тема» не было, он просто мягко уводил разговор в сторону.

– Вы ревнивый человек? – настырно спрашивала я.

– В молодости был ревнив до противности. А сейчас страсти поутихли, да и Тамара не дает мне повода.

– А раньше давала?

► На гастролях. 1960-е годы. «Эстрада давала мне свободу»

– Вы такая юная, на что вам эти дела давно минувших дней? – улыбнулся Магомаев. И эта улыбка сработала, как шлагбаум: все, дальше ни шагу.

Даже в своих мемуарах Магомаев не вдается в подробности, которых в дни его славы жаждали все женщины Советского Союза. Встретились, влюбились, Тамара тогда была замужем. Несколько месяцев мучительного любовного треугольника, простое решение – и свадьба.

– Трудно ли жить с певицей? Как раз наоборот. Не знаю, что бы я делал, если бы моя жена была математиком.

Позже, разговаривая с Тамарой Ильиничной, я не удержалась и спросила, как им, двум знаменитостям, живется под одной крышей.

– Да никогда в жизни мы не воспринимали друг друга как «знаменитостей». Мы с Муслимом знакомы три раза, не меньше. Я, конечно, его знала – в СССР Магомаева не знал только глухой. А вот он меня никак не мог запомнить. И когда нас в очередной раз представили друг другу, я не выдержала и сказала: мы знакомы! С этого наш роман и начался.

От
первого
лица

Муслим Магомаев

С Тамарой Синявской мы познакомились в Бакинской филармонии. Меня подозвал Роберт Рождественский и представил милостливой молодой женщине. Я назвал себя: «Муслим...» Она улыбнулась: «И вы еще представляетесь? Вас ведь знает весь Союз». Обычное светское знакомство, но у меня сразу возникло ощущение симпатии – никакой натянутости, как обычно бывает на таких мероприятиях с их дежурными полупоклонами, полуулыбками... Тамара мне понравилась сразу. Мне показалось, что и я ей...

Семейная жизнь. В первые годы нашей совместной жизни у нас возникали ссоры. Иногда доходило до того, что я срывался из Москвы в Баку. Теперь-то я понимаю, что без ссор не бывает ничего настоящего, характеры мужа и жены должны притираться, как жернова мельницы. Такова трезвая безусловность семейной жизни. Но, умея ссориться, надо уметь и мириться. Я бы не женился ни на ком другом, как только на музыкантше, на певице... Общие интересы, общее дело...

Отдавая должное огромному эстрадному успеху мужа, Тамара Синявская тем не менее не раз говорила, что для нее Магомаев прежде всего оперный певец.

– У вас классическое образование, вы стажировались в Италии, вас в Большой театр приглашали. Почему же вы предпочли эстраду? – спрашивала я.

Магомаев прикурил очередную сигарету и ответил: – Да мне просто это было скучно. А уж служить в театре – это вообще не для меня. Эстрада давала мне свободу.

Однажды, правда, она же чуть было не лишила его свободы, причем в самом буквальном смысле. Концертная ставка Магомаева была около двухсот рублей за площадку. Стадионы он собирал легко, достаточно было одной афиши, билеты на концерт сметались в мгновение ока. Понятное дело, артист с такой доходностью был лакомым кусочком для всевозможных концертных администраторов. Имя одного из них, Павла Леонидова, знакомо всем, кто посмотрел прошлогодний кинохит «Спасибо, что живой». В реальной жизни этот самый Леонидов в середине 60-х предложил Магомаеву тройную ставку за трехчасовой концерт на ростовском стадионе: сорок пять тысяч зрителей, все согласовано с министерством культуры, вот официальная ведомость, получите, распишитесь. О том, что в минкульте об этой тройной ставке ни сном ни духом, Магомаев узнал, гастролируя в Париже.

– Не вздумай возвращаться, – предупредили друзья. – Это срок.

И ведь он мог бы остаться. Директор парижской «Олимпии», знаменитый Брюно Кокатрикс сулил «советскому соловью» золотые горы и блестящее европейское будущее.

– Почему же не остались? – спросила я. – Неужели Париж не понравился?

– Очень понравился. И, честно говоря, я много раз хотел уехать из Союза. Ну не пошло бы с карьерой певца – занялся бы чем-нибудь другим. Останавливали два обстоятельства. Во-первых, у меня дядя занимал крупный партийный пост. Племянник-невозвращенец означал бы конец его карьеры. Во-вторых... Я не из тех, у кого где хорошо – там и родина. При всех минусах СССР сбегать на Запад было бы с моей стороны черной неблагодарностью. А потом, по большому счету я и здесь почти всегда делал, что хотел.

– Вы, кажется, были единственным советским певцом, которому разрешали петь на английском языке.

– Старик Брежнев меня любил, – рассмеялся Магомаев. – Помню, как-то сидели с друзьями в московском ресторане, и вдруг кто-то говорит: хорошо бы сейчас в Сочи, на море. Я позвонил куда надо, и через несколько часов мы всей компанией уже садились в самолет.

В Европе он не остался – вернулся домой и, что называется, отдался на милость правосудия. От тюрьмы Магомаева, на которого под шумок попытались повесить еще пару крупных финансовых махинаций, спас-

«Муслим был замечательным художником. Рисовал портреты друзей. Портрет нашего любимого пуделька Чарлика тоже есть»

— ТАМАРА СИНЯВСКАЯ

ло благоволение партийной верхушки. Говорят, за него поручилась сама Фурцева. Посадить не посадили, но петь запретили — никаких концертов и гастролей, сиди, мальчик, в родном Баку.

— Ну я разозлился, конечно, — вспоминал Магомаев. — На гастроли нельзя, на телевидение не зовут, записываться не дают...

Злился Магомаев сильно. Времени, правда, не терял, закончил за время вынужденного молчания консерваторию — за год прошел весь курс и блестяще сдал экзамены. И, возможно, появился бы в Бакинской опере блестящий баритон, если бы однажды опального певца

не вызвали в КГБ Азербайджана. Оказалось, что послушать Магомаева желает сам Юрий Андропов, всесильный шеф КГБ.

— Один звонок мог изменить всю жизнь, — пожал плечами Магомаев. — Такая была система.

И вдруг неожиданно спросил:

— Вы пионеркой успели побыть?

— Да, конечно. А вот комсомолкой уже нет, началась перестройка, и все развалилось.

— Да, жизнь сильно изменилась, — согласился Магомаев. — Любопытное наступило время.

Его знаменитые соседи называли это время странным, беспокойным, даже смутным — как уютно, только не любопытным.

— Можно ездить за границу и не бояться, что какой-нибудь приятель передаст твои разговоры «куда надо»... И на эстраде стало больше свободы...

— И больше фонограммы, — вставила я. — Вот вы, наверно, ни разу в жизни «под фанеру» не выступали.

— Ну уж прямо! Вы, конечно, не в курсе, молодцы слышком, но на правительственных концертах при Брежневеве даже чтецы выступали под фонограмму!

— Так что же, вам все это нравится — то, что сейчас происходит?

— Не нравится, что Союз развалился. А что свободы стало больше — конечно, нравится.

И я набралась смелости.

— А чего ж тогда вы петь перестали?

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ
ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза при различных патологиях
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2 и противоаллергические компоненты

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО
ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

«Тамара уехала на стажировку в Италию. Я звонил ей каждый день. Много позже мы узнали, что наши с ней разговоры слышала телефонистка на станции»

— МУСЛИМ МАГОМАЕВ

Магомаев подумал, затушил тысячный окурочок в марморной пепельнице и сказал:

– Я счастливый человек. Я всегда делал только то, что хотел. Приказов ничьих не исполнял, никому не подчинялся. Пел, пока это доставляло мне удовольствие.

Потом понял, что надоело. Я с четырнадцати лет пою, сколько можно? Потому и прекратил.

Вот так просто. Никаких врагов, никакого бизнеса, никакой эмиграции. Он не поет потому, что не хочет.

– В жизни столько всего интересного, кроме пения, – рассмеялся Магомаев. Мое искреннее изумление его явно позабавило.

На прощание я рассказала ему историю про вьетнамского торговца. На Магомаева это не произвело особого впечатления – он привык к поклонению и славе.

Потом Тамара Ильинична Синявская расскажет, как поклонницы зацеловывали белую «Волгу» Магомаева так, что она становилась красной от губной помады.

– Ладно, скажу вам главную причину, по которой я перестал петь, – вдруг сказал Магомаев, когда я, отбиваясь от Чарлика, надевала ботинки. – Хочу, чтобы люди помнили меня только молодым и живым.

Удивительное дело, но у Магомаева хватило воли следовать этому решению до конца. А ведь его упрашивали вернуться на сцену и даже по-дружески стыдили: мол, как можно, будучи в такой вокальной форме, петь исключительно для близких? Эстрадная молодежь, уловив тренд на «ретро», наперебой предлагала ему дуэты. Но Магомаев отказывался, делая исключение лишь для единиц вроде группы «Лицей» и относительно недавно для сына своего старого бакинского друга Агаларова – Эмина.

В середине 90-х Муслим Магометович время от времени появлялся на телевидении. Но в отличие от звезд ушедшей советской эпохи не для того, чтобы сокрушаться о воинствующей бездарности новых кумиров. Магомаев вел интеллигентные беседы со Святославом Бэлзой и рассказывал о людях вроде Марио Ланцы и Джезуппе ди Стефано, имена которых мало что говорили публике, даже той, которая в шестидесятых схо-

дила с ума по самому Муслиму. Сейчас в этих программах поражает даже не то, с каким увлечением Магомаев говорил о малопопулярной в новой России оперной музыке, а его редкое умение искренне восхищаться чужим талантом. Причем в этом восхищении он ни разу не сбился на фамильярность, ни разу не причислил себя к когорте великих. «Это титаны, гении, а я просто неплохой певец».

А еще он был неплохим писателем – его книгу о Марио Ланце, изданную в начале девяностых, можно смело назвать одним из лучших образцов биографической беллетристики. И неплохим художником, который, впрочем, не выставлялся и называл свои работы «дилетантскими». Вообще ко всем своим занятиям «вне музыки» Магомаев относился с изрядной долей самоиронии: «У меня один кусок глины на всю жизнь. Быть художником – это значит работать. А я ленивый».

И в той нашей беседе, и в других интервью, и в книге воспоминаний он был довольно безжалостен к себе: взрывной, нетерпеливый, упрямый. Но поразительным образом, не отрицая, что все это правда, ни один из коллег Магомаева никогда не сказал о нем ни единого дурного слова. У него не было врагов – совсем, вообще. Что для человека его славы почти невероятно.

Возможно, секрет в том, что Магомаев обладал даром еще более редким, чем музыкальный: он умел принимать жизнь такой, какая она есть. И радоваться ей, несмотря ни на что.

В последние годы, уже сильно болея, Муслим Магометович тем не менее общался с людьми больше, чем когда-либо. Он не раз говорил, что жизнь полна удивительных подарков: взять хотя бы Интернет. Радовался, что на его сайт приходит много молодежи. Еще больше – что молодежь «качает» классическую музыку и задает вопросы. На них, даже самые дилетантские, Магомаев неизменно отвечал, причем не протокольно, а обстоятельно и от души.

Наверно, у него были какие-то сожаления. Двадцать лет назад я спросила, что бы он изменил в своей жизни, если бы пришлось прожить ее сначала. «Бросил бы курить» – ответил Магомаев, прикуривая очередную сигарету. – Больше ничего».

Свою тяжелую болезнь он скрывал до самого конца. На вопросы журналистов отшучивался: да, мол, чувствую себя не лучшим образом, но после стольких лет веселой жизни было бы глупо ждать другого. Потому его уход и стал полной неожиданностью: мало кто знал, как плохи дела.

Новостные ленты сообщали, что «ушел Голос». Нет, не совсем так. Муслим Магомаев никогда не был только сосудом для своего волшебного баритона. Скорее наоборот: его голос имеет над людьми такую власть именно потому, что принадлежит Мужчине – умному, глубокому, ироничному и свободному. И неизвестно, звучал бы он также прекрасно, если бы Муслим Магомаев был другим человеком. ☉

Выражаем благодарность за помощь в подборе фотоматериалов Шаигу Алекберову